

Трагедия Ходжалы: анализ в контексте современной политики

Александр КАРАБАЕВ,

*заместитель генерального директора Центра постсоветских исследований
Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова*

Очень трудно абстрагироваться, усвоить отстраненное отношение к ходжалинской трагедии. Ведь гибель 613 мирных жителей, включая женщин и детей, которые не смогли бежать из окруженного армянскими силами города Ходжалы, - пожалуй, крупнейшая человеческая трагедия и самое жестокое военное преступление в череде войн постсоветского распада. **Это черное событие является важнейшим моментом карабахского конфликта, радикально закрывающим возможность быстрого примирения между гражданскими обществами Азербайджана и Армении.** Печать Ходжалы теперь обременяет любые, даже самые идеалистические и гуманные сценарии карабахского урегулирования. Кроме того, эта драма стала одним из мощных источников высокого накала эмоций, дополнительной причиной ощущения горечи, которое испытывают азербайджанцы, кроме самого факта потери пятой части территории страны в результате оккупации.

Проблема Ходжалы сегодня выходит далеко за границы самого факта события, случившегося в ночь на 26 февраля 1992 года. **Можно наблюдать как минимум три линии последствий Ходжалы,** развертывающихся в политической реальности. **Во-первых,** следует констатировать, что на протяжении двадцати лет Ходжалы стал заметным элементом контрпропаганды и информационной войны со стороны Армении. **Во-вторых,** существует официальная позиция азербайджанского государства, поддержанная многими общественными организациями и состоящая в признании этого военного преступления в качестве локального геноцида против азербайджанцев. Соответственно налицо отдельные внешнеполитические усилия для обеспечения информационного доступа к ходжа-

линским материалам. **В-третьих,** эта драма вплетена в комплекс геополитических проблем карабахского урегулирования.

Восемь лет назад, когда мне впервые довелось окунуться в проблему армяно-азербайджанского конфликта, я не сразу понял значение этой точки в общей хронологии конфликта. В 2009 году мне удалось опубликовать статью «Трагедия Ходжалы касается России» в российской «Независимой газете», и я получил самые разные отклики. Для меня стало очевидно, что с точки зрения политического анализа важно понимать, в какой контекст сегодня вписывается эта проблема. Нужно также констатировать **разницу в трактовках. В российском экспертном сообществе по отношению к ходжалинской драме можно выделить несколько неформальных групп.** Первая, самая многочисленная, вообще не знает, о чем речь. Вторая, достаточно представительная, «знает» ситуацию исключительно с позиций армянской пропаганды. Третья группа, имеющая определенный авторитет и влияние, понимает эту проблему через призму азербайджанской новейшей истории. Четвертую группу отличает то, что они знают позицию Азербайджана и Армении, но не понимают, как относиться к этой информации и какие уроки необходимо извлечь. Именно такая фрагментация затрудняет попытки вписать тему Ходжалы в историко-политический контекст современности.

Дефицит ответственности власти

На мой взгляд, можно выделить как минимум пять исследовательских измерений, связанных с ходжалинской драмой, либо влияющих на ее восприятие исследователями. Выше мы уже отметили, что это определенный **ФАКТ армяно-азербайд-**

жанского конфликта, который невозможно игнорировать. Это первое, конкретно-событийное измерение. Второе - последствия. Здесь, безусловно, существует проблема разрыва между международно-правовыми нормами и методами реальной политики великих держав. Речь идет не только о диффузии принципов права перед конъюнктурой политического момента, но и о сознательном торможении вынесения юридических оценок со стороны наблюдателей и миротворцев в карабахском конфликте. Известно, что нынешняя правящая элита Армении, лидеры так называемого карабахского клана и конкретно президент Серж Саргсян несут персональную ответственность за это военное преступление. Тем не менее, ни Россия, ни партнеры Азербайджана на Западе не готовы перенести это событие в плоскость международной уголовной юриспруденции. Хотя решение парламента и Сената Франции в отношении допустимости уголовного преследования за отрицание «геноцида» армян 1915 года, похоже, открыло дверь для обсуждения в будущем подобных проблем и вынесения подобных исков, мотивированных соображениями исторической политики. Однако **по-прежнему существует действенный набор мотивов, обуславливающих нежелание России и Запада портить отношения с элитой Армении и армянской диаспорой из-за проблемы Ходжалы.**

Тут мы переходим в следующее, **третье измерение ходжалинской драмы, на котором нужно остановиться подробнее. Пересмотр исторического опыта советской империи, новые акценты в формирующихся национальных идеологиях постсоветских государств с максимальной высотой остротой поставили проблемы ответственности советской власти за все преступления против общества в течение XX века.** Украина, в особенности после 2004 года, активно лоббировала оценку событий голода 1932-1933 года в качестве геноцида против украинского народа со стороны большевиков¹. В результате одиннадцать государств мира признали Голодомор актом геноцида. Внутри России негативная оценка сталинского правления сформировала мощную группу, требующую создания политического ритуала поминовения павших в репрессиях². В этом же ряду возникает задача справедливой оценки уничтоже-

ния крестьянского сословия как геноцида против русских и украинцев. Речь опять же идет о миллионах убитых и искалеченных.

К чему приведен это перечень? **Политическая Россия неохотно вспоминает как ту «сталинскую», так и другую группу проблем из 1980-х годов советского наследия.** Реакция понятна. В значительной своей части случившиеся трагедии не относятся к новой России как государству, отвечающему за свою политику с конца 1991 года. Но также известно, что самоидентификация наций в странах СНГ конструируется во многом как раз на тех точках истории, что оказались трагическими фактами развития советской системы. Соседи дают этому свою оценку, в то время как Россия молча игнорирует, считая малозначимым, либо умышленно антироссийским и конъюнктурным. Отсюда и **«около официальное» мнение по этому поводу: обсуждать эти темы, или создавать политический ритуал поминовения жертв от 1930-х до 1980-х, вряд ли пойдет на пользу нормализации отношений, а скорее еще больше разъединит.**

Распространено и такое мнение, что масштаб Ходжалы, как и других подобных эпизодов, особенно в грузино-абхазском и грузино-осетинском конфликтах, сильно меркнет в сравнении с вышеуказанным «апокалипсисом». Следовательно, на эти эпизоды России, не разобравшейся со своими проблемами, не стоит обращать много внимания. В принципе, сложившийся контекст действительно растворяет азербайджанский общественный запрос памяти в отношении Ходжалы в российских историко-политических баталиях.

Но, на мой взгляд, нужно говорить не о масштабе и количестве жертв, а об отношении к погибшим людям. Сегодня как никогда снижена ценность человеческой жизни, **снижена мера ответственности власти (особенно это заметно по тому, как удается Михаилу Горбачеву избежать ответственности по событиям 20 января 1990 года в Баку, 13-14 января 1991 года Вильнюсе, 9 апреля в Тбилиси, и в целом по распаду СССР).** Актуально стоит задача вернуть меру конкретной персональной ответственности власти и руководителей в реальную политическую жизнь. Остро ощутим дефицит морального порицания и соответственного политического ритуала в отношении преступлений советского периода.

- 1 По подсчетам украинских историков, голод 1932-1933 годов унес жизни до 5 миллионов жителей Украины, в том числе нескольких миллионов детей.
- 2 30 октября отмечается в России как День памяти жертв политических репрессий. Официальные лица государства выезжают на полигон в Бутово, где в 1937-1938 годах было расстреляно 20.000 человек. Всего там захоронено около 100.000 жертв террора, людей шестидесяти национальностей, включая азербайджанцев.

Азербайджанцы вправе требовать объяснения, почему в считанные месяцы был разрушен интернациональный характер их столицы. Почему **в Москве не реагировали на первые вспышки насилия в 1987 году в отношении азербайджанцев в Армении? Почему Кремль пропустил первые сигналы межнационального обострения в Карабахе**, отдав все на откуп местным органам власти и республиканским силовикам?

За эти годы много было сказано о чем угодно - о роковом стечении обстоятельств, о влиянии разведок Запада, на которых было очень просто, как и теперь, списать любые катастрофы, и так далее. Но, даже принимая во внимание все эти аргументы, непонятно, на каком основании по всем описанным эпизодам Кремль, силовики, руководство Политбюро ЦК выходили чистыми из воды. Никто на высшем уровне не понес персональной ответственности, не был уволен за неэффективную работу спецслужб, за провалы в административной системе, не считая разве что ряда кадровых перемещений. Что касается Горбачева, то формально он несет ответственность за трагедию в Ходжалы, она произошла после его отставки. Но **участие в расправе над мирными жителями частей регулярной советской армии (366-й мотострелковый полк) лишь замыкает трагическую цепочку бездействия и роковых решений горбачевской власти в течение нескольких лет, еще до распада СССР.**

Нынешняя ответственность России заключается в необходимости вернуть в международную политику градус моральности политического действия и норму юридических последствий за ошибки и преступления. Там же, где мы имеем дело с историческим преступлением бывшей власти перед обществом, необходим политический ритуал, понятный и разделяемый большинством постсоветских государств. В этом плане **принципиальную позицию Баку в отношении ответственности Горбачева за «20 января», принципиальное стремление добиться наказания виновных за Ходжалы нужно оценивать как вклад Азербайджана в процесс выработки нового ответственного отношения к общему прошлому.**

Вместе с тем историкам, политологам, и в особенности политикам необходимо избежать ненужной «геноцидации» международной политической повестки. Это провоцирует бессмысленную погоню за химерами прошлого. Но, к сожалению, современная политика весьма цинична. Она подчинена интересам, но камуфлирует это принципами. В слу-

чае с Арменией парадигма национальной мифологии диктует корпус идеологем и официальных постулатов. С той же силой мифологема используются во внешней политике, при поддержке и огромном влиянии диаспоры на этот процесс. Таким образом, известное правило, утверждающее, что политические сюжеты и их толкования, а не факты управляют мировой политикой, в армянском политическом пространстве умножается на порядок. **Факт, который невозможно вписать в свой сюжет, который противоречит логике сюжета, для Армении не существует, он игнорируется, оспаривается либо фальсифицируется**³.

Таким образом, становится трудно отделить зерна от плевел. Характерно, что такая задача в контексте общей истории ставилась в выступлении Ильхама Алиева в ходе неформального саммита глав СНГ в декабре прошлого года: *«Мы не должны позволять фальсифицировать историю, не должны позволить ситуацию, когда идет извращенное представление событий второй мировой войны. Не только в том плане, что кое-кто хочет взять основные лавры себе, а в плане того, что, к сожалению, в некоторых странах идет героизация фашизма. Мы не можем оставить это как прошлое. Мы должны с этим бороться»*. Эти акценты актуальны еще и в том смысле, что **фашизм имеет свойство периодически возрождаться. Истребление азербайджанцев в Ходжалы это наглядно показало.**

Факты против сюжетов

Одна из проблем политического «затемнения» ходжалинской трагедии - в **недооценке ее восприятия в российском обществе и медиа-пространстве. Это было напрямую связано со статусом и влиянием азербайджанской элиты перестроечных лет на московский политический бомонд.** Объективное восприятие азербайджанской позиции подавлялось со стороны Армении рядом обстоятельств. Во-первых, армянская партийная верхушка еще в советской Армении целенаправленно шла к росту национализма в своей республике. Опустим несколько обращений в разные годы о передаче НКАО в состав Армении, это хорошо известно. **Если составить условный рейтинг уровня допустимого в СССР национализма, то Армянская ССР четко занимала в нем первое место.** Так, например, Армения была единственной советской республикой, на гербе которой был изображен некоммунистический символ - гора

3 В свое время эту тему широко раскрыл Роберт Аракелов в книге «Исповедь армянского интеллигента», М. 2011.

Арагат. Должность председателя республиканского КГБ почти все советские годы занимал армянин (с 1954 по 1972 годы Г.Бадамянц, с 1978-го по 1988-й - М.Юзбашян), хотя в других республиках работа на этой должности представителя местной элиты обычно ограничивалось по времени, либо ротировалось кадрами из Москвы. Кроме Армении, подобными привилегиями пользовались Украина и Грузия (А.Инаури просидел в должности председателя грузинского КГБ 34 года - с 1954-го по 1988 годы). Но в Азербайджане в этом плане была строгая ротация – местных представителей сменяли назначены Москвы из других мест. **Только Армении дозволялось иметь на посту второго секретаря ЦК выходца из местной элиты (в других республиках на этом посту находился человек Кремля).** Таким образом, **в Армении был сформирован подавляющий по численности моноэтнический состав населения, и это являлось разительным контрастом с другими республиками Союза.**

Добиваясь передела вокруг Карабаха, армянские партийные чиновники оказались вовлечены в игру националистических групп, усилившихся, как ни парадоксально, за счет советской политики репатриации армян в советскую Армению. **Сильные структуры республики, которые были призваны блокировать и бороться с такой идеологической инфильтрацией, не просто проспали этот вирус, но оказались им заражены.** Вот как объясняет и описывает эту ситуацию в своих мемуарах Федор Бобков, начальник 5-го управления КГБ СССР (оно занималось вопросами идеологии):

«Понимая, что осуществить присоединение Западной Армении без конфликта с Турцией не удастся, дашнаки замыслили осуществить идею создания Великой Армении путем собирания земель на территории Советского Союза. Это совпало и с заметным ростом армянского населения в Армянской ССР за счет реиммиграции соотечественников из западных стран... С их появлением в республике усилилось влияние «Дашнакцутюна», которая продолжала подрывную деятельность, опираясь главным образом на националистически настроенные экстремистские круги, всеми способами отстаивавшие свои идеи, не останавливаясь даже перед терроризмом. В январе 1977 года в Москве прогремели три взрыва: на улице 25 Октября (ныне Никольская), в магазине на площади Дзержинского (Лубянка) и в метро между станциями «Измайловский парк» и «Первомайская» — в результате погибло 29 человек... Преступни-

*ков задержали спустя десять месяцев. Оказалось, все трое являлись членами нелегальной армянской националистической партии, ставившей целью борьбу против советского строя, а следовательно, против Москвы. Они решили мстить русским, неважно, кому именно: женщинам, детям, старикам — главное, русским. Казалось бы, этот случай должен был привлечь внимание партийных и государственных деятелей, побудить искать пути устранения причин, ведущих к межнациональному расколу. Однако **никаких действий, кроме работы следственных органов и суда, проходившего в Москве, не последовало. А армянское руководство сделало все, чтобы скрыть от населения республики это кровавое преступление.** По указанию первого секретаря ЦК компартии Армении Демирчяна ни одна газета, выходившая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте. Документальный фильм о процессе над Затикяном (главарь террористов) и его сообщниками, снятый во время заседаний Верховного суда, запретили показывать даже партийному активу Армении, его демонстрировали лишь в узком кругу высшего руководства. На экраны фильм так и не вышел, хотя мог принести немалую пользу и помочь в воспитательной работе. Руководство республики мотивировало запрет нежеланием компрометировать армянский народ в глазах русских... Характерно, что теория исключительности армянской нации внушалась населению республики с малых лет. Например, в учебнике для 8 классов средней школы ставился вопрос: в столицах каких республик есть армянские школы, и тут же выяснялось, что в столицах СССР такой школы нет, а вот в некоторых зарубежных странах есть. Среди участников организации «Молодая гвардия», боровшейся в годы фашистской оккупации с гитлеровцами, в учебнике назывался только Жора Арутюнянц. Другие имена, даже ее руководителей, не упоминались. Когда шла речь, скажем, о выдающихся советских музыкантах, художниках, деятелях культуры и науки, назывались, как правило только армянские фамилии. Естественно, в результате дашнакская пропаганда попадала на благодатную почву...»⁴*

В принципе такие выводы от человека, курировавшего в КГБ СССР вопросы идеологии – это диагноз. Причем всей системе. Дальнейшие факты являются лишь дополнением к эпикризу ситуации внутри элитных национальных противоречий советской системы.

4 Цит. из книги Федора Раззакова «Коррупция в Политбюро», стр. 357-358.

К тому моменту, когда случилось Ходжалы, в российском медиа-пространстве на подготовленной армянскими политиками почве были сформированы несколько антиазербайджанских стереотипов. Один из них постулировал, что конфликт был вызван отсталым социально-экономическим развитием Карабаха на фоне остального Азербайджана. Другой утверждал, что армянские партийные активисты-реформаторы, а затем и демократическое движение, ставившие вопросы об административной принадлежности Карабаха, были настоящим демократическим движением, в то время как азербайджанские чиновники - это коррупционеры-ретрограды, а оппозиция в Азербайджане в целом националистическая и даже исламистская. Естественно, что на этой почве даже такие резонансные события, как в Ходжалы, за редким исключением не получали должных оценок⁵.

Спустя двадцать лет Азербайджан сумел преодолеть информационный барьер, а в ряде случаев даже снять негласный мораторий на эту тему, сознательно либо по воле обстоятельств налагавший ограничения в медиа-пространстве тех стран, где Азербайджан ставит эту проблему. Меньше месяца назад Сенат Пакистана единогласно принял резолюцию о признании геноцидом против азербайджанцев военных преступлений в Ходжалы. Конечно, налицо победа конкретных лоббистских усилий Баку в Исламабаде. Но данное решение было принято после обращения Парламентского союза Организации исламская конференция (ПС ОИК) к парламентам всех стран - членов ОИК с призывом инициировать начиная с 2012 года международное признание геноцида азербайджанского народа в Ходжалы. Помимо солидарности мусульманских государств, здесь виден и рост влияния Азербайджана, который приведет еще к ряду побед подобного рода. В России за последние пять-шесть лет развернута активная работа азербайджанского посольства в этом направлении. С открытием российского представительства Фонда Гейдара Алиева большим темпами набрала ход компания «Справедливость к Ходжалы». Результатом стали периодические публикации в российских СМИ по этому вопросу, а также общее позитивное изменение атмосферы восприятия Азербайджана и его политики⁶.

В заключение еще раз о том, какие задачи ставит ходжалинская драма перед современными российскими исследователями. Полагаю, что «Ходжалы», ставшее теперь именем нарицательным, вводит в кавказскую политологию четкий моральный императив. С моей точки зрения, российские политологи не должны занимать комфортную позицию стороннего наблюдателя, весьма удобную для исследователей из государств за пределами постсоветского пространства. **Не будучи участниками этой драмы, мы, тем не менее, вовлечены в конфликт и несем долю моральной ответственности за ситуацию в Карабахе вместе с политиками и официальными властями России, взявшей на себя статус миротворца.** Нужно признать, что научное исследование в актуальной конфликтологии очень тесно привязано к публичным высказываниям и четким определениям личной позиции. Когда мы говорим о личной позиции, то стандартные представления об объективности слабо применимы. Однако необходимо все же стремиться к известному балансу, исправлять перекосы пропагандистской войны.

С другой стороны, помогая сторонам систематизировать опыт других государств, пострадавших и вовлеченных в сепаратистские конфликты, мы должны помогать нащупывать возможности для сближения, способы гражданского примирения. Наконец, необходимо выработать возможность осмысления этой драмы в новых политических и геополитических условиях. ✪

This article provides an assessment of the tragic events in the Azerbaijani town of Khojali in February 1992 from the perspective of reconciliation between the Azerbaijani and Armenian communities and the geopolitical consequences of that. The author touches upon the theme of perception of the bloody events of Khojali by the Russian public, its place in Russia's policy in the context of a view on this tragedy in a chain of other tragic events of the Soviet and post-Soviet period in the 20th century. Also discussed is Russia's responsibility for this tragedy and, more broadly, a settlement of the Armenian-Azerbaijani conflict over Nagorno-Karabakh. The author examines Armenia's privileged position in the Soviet Union in the context of the recent influence of the Armenian lobby on the policies of the Russian Federation.

5 Российский правозащитный «Мемориал» - единственная общественная организация, в полной мере отразившая факт военного преступления в Ходжалы. Материалы по теме легко найти на сайте центра: www.memo.ru

6 В этом году за две недели до трагической даты информационно-аналитический портал «Вестник Кавказа» провел специальную экспертную конференцию, посвященную этой теме <http://www.vestikavkaza.ru/news/kultura/history/51332.html>